

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ “КРУГЛЫЙ СТОЛ” “ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ”

19 октября 2012 г. на базе юридического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова проведен Всероссийский научно-практический “круглый стол” “Правозащитная политика в современной России: проблемы формирования” (Правительство Ульяновской области, колонный зал, г. Ульяновск)¹.

Ведущий “круглого стола” – директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, главный редактор журнала “Правовая политика и правовая жизнь” А.В. Малько в своем выступлении “*О необходимости формирования концепции правозащитной политики в РФ*” отметил, что правозащитную политику прежде всего необходимо основательно исследовать на общетеоретическом уровне. Более того, нужна концепция правозащитной политики, которая по своим масштабам должна так или иначе быть межотраслевой, охватывающей многие направления правозащитной деятельности и под которой можно понимать систему теоретических положений, содержащих цели, задачи, средства, принципы, приоритеты, формы реализации названной правозащитной политики. Именно в рамках данной концепции важно рассмотреть модели более результативного взаимодействия субъектов правозащитной деятельности (структур как государственной власти, так и гражданского общества). Только при тесном и четком взаимообеспечении обозначенных субъектов возможно повышение качества правозащиты.

Предлагаемая концепция вполне может базироваться на имеющихся исследованиях в этой сфере – на проекте концепции антикоррупционной политики в Российской Федерации², проекте концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г.³ и особенно на проекте концепции правоохранительной политики в Российской Федерации⁴.

Нужно отметить, что обеспечение концептуализации теоретических взглядов и практических подходов в области правового регулирования является одной из первоочередных задач современного правоправедения. Действительно, продукт, который должен давать юридическая наука, может быть выражен в более аргументированной, системной, целостной форме – в форме концепций.

Концепция же правозащитной политики должна отвечать социальным реалиям и учитывать как собственный истори-

ческий опыт, так и достижения мировой подобной практики. Концепция – это не только свод общетеоретических положений, но и своего рода программа конкретных действий.

Ректор Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, канд. юрид. наук, доктор истор. наук, заслуженный юрист России А.А. Бакаев в своем выступлении “*Борьба с коррупцией как важнейший фактор правозащитной политики государства: проблемы систематизации доктринальных подходов*” указал, что важность борьбы с коррупцией на сегодняшний день не вызывает сомнений. Коррупция является одной из наиболее серьезных проблем глобального характера, которая угрожает социально-экономическому и политическому развитию государства, подрывает демократические и моральные устои общества. Наблюдается закономерность – чем выше уровень развития общества, тем масштабнее размеры коррупции, т.е. рост благосостояния общества не уменьшает проблему, а провоцирует пропорциональный рост коррупции.

При этом на современном этапе исследователи отмечают универсальный характер данного явления: она существует повсеместно, вне зависимости от уровня социально-экономического развития государств, проникает во все сферы жизни, приобретает транснациональные формы⁵. Более того, на этапе, когда быстрыми темпами происходит процесс глобализации правового и экономического пространства, коррупция, существующая в какой-либо одной стране, не может оставаться проблемой единичного государства и негативно скажется на развитии других стран.

Воспринимая коррупцию как системное явление, в Российской Федерации разрабатываются и осуществляются комплексные меры по ее преодолению. За период с 2008 г. образован совет при Президенте РФ по противодействию коррупции, разработаны и утверждены Национальный план по противодействию коррупции, пакет антикоррупционных законов, ряд указов Президента РФ, расширяющих контроль над деятельностью государственных и муниципальных служащих, руководителей государственных корпораций. В Ульяновской области, например, с целью усиления эффективности введена должность уполномоченного по противодействию коррупции. Федеральный закон “О противодействии коррупции” от 25 декабря 2008 г. установил основные принципы и основы борьбы с коррупцией.

Однако на современном этапе внутрисистемных механизмов недостаточно для борьбы со столь глобальной проблемой. Анализ показывает, что законодательству практически всех государств присуща фрагментация имплементируемых положений международных актов⁶. К сожалению,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России, проект “Правозащитная политика: отечественный и зарубежный опыт” в рамках реализации федеральной целевой программы “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009–2013 годы (мероприятие 1.1., очередь 1).

² См.: Проект концепции антикоррупционной политики в Российской Федерации / Под ред. А.В. Малько. Саратов, 2007.

³ См.: Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / Под ред. А.В. Малько. М., 2008.

⁴ См.: Концепция правоохранительной политики в Российской Федерации (проект) / Под ред. А.В. Малько. Саратов, 2012.

⁵ См.: Хабриева Т.Я. Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // Журнал рос. права. 2012. № 6. С. 5.

⁶ Хабриева Т.Я. Правовые проблемы имплементации антикоррупционных конвенций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоправедения. 2011. № 4. С. 16–27.

эта сфера лишена системности и характеризуется фрагментарностью, которая снижает эффективность реализации данных норм.

Важную роль в борьбе с коррупцией играют конкретные меры, способные уменьшить коррупциогенные проявления в государстве и обществе, выявить и привлечь к наказанию лиц, замешанных в коррупции. Например, достаточно эффективной мерой является обязательная ежегодная отчетность чиновников о доходах и имущественном положении. В соответствии с Законом декларации о доходах указанных лиц (а также их детей и супругов) находятся в открытом доступе в сети Интернет, освещаются в официальных СМИ, проверяются контрольными и надзорными органами.

Как показывает практика, одной из проблем, влияющих на результативность борьбы с коррупцией, является недостаточное количество квалифицированных специалистов в этой области. Думается, что в этой сфере нужны специалисты, которые смогут оценить размеры ущерба, проанализировать потенциальные варианты развития и проблемные зоны риска в нормативно-правовых актах, т.е. специалисты, обладающие всесторонними знаниями и соответствующими умениями. Решением этой проблемы является создание центров по подготовке специалистов в сфере противодействия коррупции. В настоящее время такой центр создается на базе Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова. Его цель – разработка единого подхода в реализации принципов противодействия коррупции, системности при осуществлении деятельности в данной сфере по всем направлениям жизнедеятельности государства, а также усиление антикоррупционной профилактики, нацеленной на минимизацию распространения коррупционных последствий.

Профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юрид. наук С.Ф. Афанасьев затронул *вопрос о современной правозащитной политике государства в рамках реализации судебно-правовой политики в условиях глобализации*. Судебно-правовая политика в области судопроизводства сегодня существенно детерминирована глобализационной динамикой, игнорирование которой бесперспективно, поскольку это ведет к правовому изоляционизму и крайне вредно с прагматических позиций. Конечно же, из сказанного не следует, что, развивая и совершенствуя собственную правовую политику, Российская Федерация не должна критически относиться к некоторым специфическим всеобщим цивилизационным явлениям. Задача заключается несколько в ином: сохраняя национальный позитивный правовой опыт и избегая его автономизации, гармонично соотносить усвоенные знания с общечеловеческими кросскультурными и юридическими ценностями.

Говоря более детально в контексте глобализации о формировании отечественной судопроизводственной политики, необходимо отметить, что в настоящее время она подвергается максимальному воздействию именно согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что обусловлено потребностью выравнивания общеевропейских стандартов правосудия по уголовным и гражданским делам. По большому счету магистральное направление проводимой внутренней судопроизводственной политики должно соответствовать международным стандартам.

Декан юридического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, канд. юрид. наук, доц. С.Т. Артёмова подчеркнула, что *проблема защиты прав не нова*. Эта тема не теряет своей

актуальности в отечественной доктрине последние 20 лет – с момента принятия Конституции РФ 1993 г. Существует немало фундаментальных научных исследований по различным направлениям правозащитной деятельности. Вместе с тем без приведения всех направлений деятельности в этой сфере в единую стройную систему эффективность правозащитной политики повысить не удастся. В этом, несомненно, велика заслуга проф. А.В. Малько – в работе по формированию единой концепции правозащитной политики как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Особая роль в правозащитной политике принадлежит судам. При этом судебная реформа вот уже не один десяток лет продолжает реформироваться.

Организация правозащитной деятельности нуждается в том, чтобы не допустить нарушения прав и свобод граждан законом или иным нормативным правовым актом. Органами, осуществляющими эту защиту, являются органы конституционной юстиции – Конституционный Суд РФ и конституционные и уставные суды субъектов РФ. Решения органов конституционной юстиции обеспечивают разумный баланс между свободой человека и властью государства, позволяя не допустить всевластия государства, порождающего бесправие граждан, обеспечивают конституционный принцип приоритета прав личности. Это становится тем более очевидным, если учесть, что в современной России проводятся радикальные реформы и модернизация на основе рыночной экономики, принимаются законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ, создающие правовые предпосылки реализации этих преобразований. При этом не всегда нормативные правовые акты субъектов соответствуют их конституциям и уставам, что приводит к нарушению прав и свобод граждан и противоречит принципам конституционного государства.

Конституционные и уставные суды субъектов РФ играют значительную роль в реальном претворении в жизнь конституционных принципов демократического правового светского государства, обеспечении верховенства права, защите прав и свобод человека и гражданина. Разрешая дела о соответствии Основному Закону нормативных правовых актов субъекта РФ, о толковании конституционных (уставных) норм, органы конституционного правосудия не только разрешают назревшие противоречия в правовой системе, но и выявляют реально существующие проблемы в политической, экономической, социальной сферах, формируют в своих правовых позициях предложения и рекомендации по их преодолению.

Вместе с тем по-прежнему не решен вопрос об обязательном создании в каждом субъекте РФ этих органов – из 83 лишь 17 имеют конституционные (уставные) суды, тогда как права личности в полном объеме должны быть реализованы на всей территории государства.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Ульяновского государственного университета, доктор юрид. наук, проф. Н.Н. Арзамаскин отметил, что одной из важнейших теоретико-практических проблем современного этапа развития российского общества является *необходимость создания эффективно функционирующего механизма защиты законных интересов граждан и гражданского общества*. Таким шагом на пути к созданию данного механизма могла бы стать новая концепция правозащитной политики. Данный акт должен учесть всю систему факторов, влияющих на развитие российского общества. Более того, содержание новой правозащитной политики необходимо увязывать с одним, но

очень важным условием, а именно: с проблемой совершенствования самого государства.

Следует признать, что сегодня в российской правовой системе функции государства по обеспечению прав и законных интересов граждан не соответствуют идеологии правовой государственности.

Дело в том, что либерально-демократическая идеология развития Российского государства привела к огромному разрыву между властью и населением и дальнейшая ее реализация грозит самыми непоправимыми последствиями. Учитывая исторический опыт развития России, опыт развития других народов, необходимо провести серьезную коррекцию его дальнейшего развития. Политическое развитие России следует переводить с либерально-демократической на социально-демократическую основу. Эта политика обязана включать:

защиту населения от стихийных рыночных сил и недостаточного (низкого) уровня доходов населения;

масштабность социальных прав и социальной поддержки наиболее уязвимых и бедных социальных групп населения;

удельный вес частных (негосударственных) ассигнований (расходов), направленных на страхование, пенсионное обеспечение, медицинскую страховку и другие социальные нужды населения и соотношения этой доли с функциональными выплатами из бюджета;

масштабы, в которых система социального обеспечения дифференцирована и организована по различным профессиональным группам и группам социального риска, включая социальные риски, связанные с безработицей, старостью, болезнями и др.

Государство обязано отвечать за уровень благосостояния всех граждан. Стремление достичь равенства в высоком уровне жизни обуславливает появление у государства таких функций, как государственное регулирование и необходимое пополнение страховых фондов из бюджета, оказание социальной помощи при страховых случаях, защита от нестраховых рисков, стимулирование социальной ориентации экономики и др.

Граждане Российской Федерации давно заслужили такого же уровня защиты, как, например, граждане Норвегии, Швеции, Объединенных Арабских Эмиратов и др.

Заведующий кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета, доктор юрид. наук, проф. Д.А. Липинский в своем выступлении подчеркнул, что *принцип равноправия – общеправовой принцип, распространяющий свое влияние на все без исключения отраслевые институты юридической ответственности*. Основная идея разработчиков УПК РФ состояла в том, чтобы поставить в равное положение сторону обвинения и сторону защиты, но равноправие предполагает и одинаковые возможности привлечения к юридической ответственности. В ч. 7 ст. 49 УПК РФ закреплено, что адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого. Возникает вопрос: а возможно ли за нарушение данной обязанности или других процессуальных обязанностей привлечение адвоката к уголовно-процессуальной ответственности? Анализ ст. 258 УПК РФ (меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании) показывает, что нет. Как следует из ст. 258 УПК РФ, за нарушение порядка в судебном заседании ко всем участникам судебного заседания (кроме обвинителя, защитника, подсудимого) может быть применена мера ответственности в виде штрафа. Мера процессуальной ответственности в удалении

из зала судебного заседания может быть применена ко всем участникам процесса, за исключением обвинителя и защитника. Из положений ч. 2 ст. 258 УПК РФ следует, что при “неподчинении обвинителя или защитника распоряжениям председательствующего слушание уголовного дела по определению или постановлению суда может быть отложено, если не представляется возможным без ущерба для уголовного дела заменить данное лицо другим”.

Заменить адвоката практически невозможно, а частное определение, которое суд может направить в адвокатскую палату, нельзя считать мерой ответственности. Статьи 49 и 53 УПК РФ, закрепляющие процессуальный статус защитника, нельзя назвать совершенными, так как в них преобладают права и отсутствуют корреспондирующие им обязанности, а право без обязанностей превращается в произвол. Что мешало специально закрепить в УПК РФ обязанность защитника являться по вызову следователя, суда или дознавателя для производства следственных действий? Ведь не является секретом, что достаточно часто защитник с обвиняемым избирают “способ защиты”, заключающийся в затягивании расследования уголовного дела. Полагаю, что за кажущимся равноправием сторон в уголовном судопроизводстве скрывается неравная ответственность их участников, а точнее – безответственность адвокатов, правам которых не корреспондируют соответствующие обязанности.

Заведующий кафедрой теории государства и права Северо-Кавказского (г. Махачкала) филиала Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, канд. истор. наук, доц. Б.Б. Сулейманович отметил, что *необходимо сформулировать ориентиры в правозащитной политике, которым надлежит следовать*. Говоря о методологических аспектах правозащитной политики, он подчеркнул, что права и свободы человека в современном мире относятся к числу безусловных ценностей, по отношению к которым определяется уровень цивилизованности того или иного общества. Более того, правовой прогресс, исходя из указанных ценностей в современном мире, заключается именно в еще большей гарантированности прав и свобод человека.

Однако указанное не означает, что права и свободы человека должны противопоставляться правам, свободам и интересам общества, коллектива. Между тем права человека, по мнению некоторых исследователей, развиваются в условиях обострения противоречий между индивидуализмом и социальностью, солидарностью. Отношение к правам и свободам зависит от системы ценностей, господствующих в той или иной культуре. В некоторых правовых семьях, в частности в мусульманской, признают только свою, исламскую концепцию прав человека, рассматривая её в качестве альтернативы западному подходу, на основе которого разработаны международно-правовые стандарты в области прав человека. К сожалению, права человека могут быть не только в качестве цели, но и в качестве средства. В международной политике права человека, степень их соблюдения и гарантирования являются важными критериями признания того или иного государства демократическим или, наоборот, антидемократическим. Это обстоятельство резко усиливается в период глобализации. Процесс глобализации рассматривается как серьезный фактор ослабления суверенитета. Нередко мировые державы по своей инициативе и в том числе без санкции международных организаций устанавливают различные ограничения, санкции в отношении отдельных государств. Противоречивость, многоаспектность, инвариантность прав и свобод человека предполагают необходимость доктринальной концепции, указывающей на некий алгоритм на основе баланса прав и свобод человека и общества. Думается, что

таким или одним из таких доктринальных направлений может быть признана правовая политика. Как ни странно, правозащитная политика по сравнению с другими направлениями правовой политики не получила должного развития. При этом ситуация с правозащитной политикой выглядит парадоксальной, если учесть, что основным средством правовой политики являются правовые акты – Конституция РФ и акты международного права, в которых однозначно закрепляется приоритет прав и свобод личности, а положения о неотчуждаемых правах и свободах и степень их реализации являются признанными критериями определения эффективности как государства, так и правовой системы в целом. Однако по сей день в научной литературе еще не сложилась теория правозащитной политики: отсутствует общепринятое определение. Неопределенным остается вопрос о соотношении правозащитной и правоохранительной политики и т.д.

Заведующий кафедрой образовательного права юридического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, канд. юрид. наук, судья в отставке О.А. Сычѐва подчеркнула, что *правозащитная политика на профессиональном уровне реализуется судами и судьями*. В современных условиях важно говорить о проблемах этичности судебной деятельности, особенно при разрешении уголовных дел как наиболее серьезной по своим последствиям категории судебных дел. Этичность судебной деятельности включает в себя совокупность правил профессионального и внеслужебного поведения судей и других участников уголовного судопроизводства, обеспечивающих нравственный характер восприятия, изучения и уяснения ими представленной информации в зале суда, а также гарантирующих соответствующий статус юридической профессии, образ жизни указанных лиц в неофициальной обстановке. Этичность судебной деятельности – это принцип построения межличностных взаимоотношений и выбора линии поведения, обязывающий участников процесса проявлять в ходе процессуального общения корректность, вежливость, взаимное уважение, терпимость и порядочность. Этические аспекты поведения судьи особенно наглядно проявляются в его общении с участниками судопроизводства, а также коллегами и гражданами. Во исполнение положений Кодекса судейской этики судья не должен проявлять неприязнь, брезгливость, нетерпимость, предвзятость, несдержанность по отношению к личности человека, стоящего перед судом и к другим участникам процесса. Судья обязан соблюдать достоинство, спокойствие, беспристрастность и принципиальность в судебном заседании и во внеслужебной обстановке. Психологический дискомфорт, возникший в процессе судебного разбирательства дела, может негативно отразиться на качестве принятого судьей решения и, что еще серьезнее, повлечь судебную ошибку, а судебная ошибка – это результат в большей степени непрофессионализма правоприменителя. Соблюдение нравственно-этических стандартов – неотъемлемая составляющая судебной деятельности, не требующая какой-либо мотивации, наполняющая её гуманистическим содержанием и характеризующая культуру уголовного судопроизводства с позиции качества.

При дефиците этичности сложно говорить о справедливости. Выражение в праве начал справедливости, в том числе в практике его реализации и применения, есть “моральность права”. Именно такое качество права, профессионализм и этичность судебной правоприменительной деятельности обеспечат истинное правосудие, тем самым гарантируя защиту прав и свобод личности.

Доцент кафедры коммерческого, предпринимательского и финансового права Сибирского федерального университета, канд. юрид. наук А.В. Демин обратил внимание *на проблему перехода от “описания” к “предписанию” в процессе нормообразования как на предпосылку усиления правозащитной основы российского законодательства*. Правозащитная деятельность в качестве своей основы предполагает совершенствование юридической техники действующего законодательства. В частности, описательную (дескриптивную) форму изложения правовых норм, нередко встречающуюся в источниках права, необходимо заменить на строго прескриптивную форму изложения, четко демонстрирующую адресатам заложенный в норме императив (запрет, обязанность, дозволение). Как известно, в содержании регулятивных и охранительных норм присутствуют дескриптивные (описательные), прескриптивные (предписывающие) и аксиологические (оценочные) элементы. В отличие от дескриптивных высказываний, содержащих нейтральное описание действительности, прескриптивные заключают в себе требования, призванные в мягкой или жесткой форме побуждать людей к конкретному поведению. К сожалению, многие нормы российского права выдержаны в нейтрально-дескриптивной форме. В большинстве случаев характер предписания можно легко установить путем систематического, грамматического, телеологического и других видов толкования. Однако в целом ряде случаев преобладание описательных (дескриптивных) элементов над прескриптивными в нормах права способно вызвать споры и разногласия в интерпретации, дезориентировать правоприменителя, поскольку простое описание поведения субъекта права без четко выраженных модальных форм: “должен”, “вправе”, “не допускается” и т.п., – зачастую не позволяет уяснить характера предписания, выраженного в норме. Особенно опасна такая неопределенность при регламентации полномочий государственных органов как властных представительной государства в налоговых отношениях. В частности, именно подобная неопределенность в изложении п. 3 ст. 88 НК РФ (об ошибках, противоречиях в налоговой декларации, несоответствии сведений “сообщается налогоплательщику”) привела к многочисленным судебным разбирательствам вплоть до Конституционного Суда РФ. Описательная форма (“сообщается налогоплательщику”), выбранная законодателем, не передает характера предписываемого поведения (обязанность или право), порождая противоречивые интерпретации. Вместе с тем выявленной неопределенности можно было бы избежать, если бы законодатель в п. 3 ст. 88 НК РФ прямо и недвусмысленно указал на обязанность налоговых органов по информированию налогоплательщиков, используя модальные формы, обозначающие необходимость совершения соответствующих действий (“должен”, “обязан”, “следует”, “необходимо” и т.п.). Названная неопределенность законодателем не устранена до сих пор.

Массовая ревизия и трансформация правовых норм в части замены дескриптивных предписаний на прескриптивные (даже без качественной переработки их содержания) будут способствовать снижению уровня неопределенности в системе правового регулирования, укреплению правопорядка и, как следствие, повышению правозащитной основы российского законодательства.

Ученый секретарь Саратовского филиала ИГП РАН, канд. юрид. наук К.Е. Игнатенкова в выступлении на тему *“Президент Российской Федерации как субъект правозащитной политики”* отметила, что среди всех государственных органов, так или иначе формирующих и осуществляющих правозащитную политику, центральной

фигурой выступает Президент РФ. Данный факт обусловлен закрепленным в Основном Законе страны его статусом как гаранта Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина. Сегодня стало очевидным, что в российской правозащитной системе назрел системный кризис. В том состоянии, в котором она сейчас находится, при имеющихся условиях, ресурсах и методах деятельности она просто “не справляется” с постоянными незаконными нарушениями прав и свобод человека и гражданина, многочисленными злоупотреблениями полномочиями со стороны чиновников, проявлениями не сокращающей своих размахов коррупции. Требуется принципиально новый подход к организации всей правозащитной системы, к определению векторов ее развития – другими словами, в настоящий момент нашему государству “жизненно необходима” логичная, обоснованная, последовательная, эффективная правозащитная политика, отвечающая вызовам времени.

Уникальный статус Президента в Российской Федерации позволяет ему быть самым активным субъектом правозащитной политики. Он координирует деятельность всех остальных субъектов правозащитной политики, непосредственно ему подчиняются силовые структуры в государстве. Глава государства осуществляет правозащитную политику в правотворческой форме, участвуя в законодательном процессе (выступая с правом законодательной инициативы, накладывая вето или подписывая закон) и издавая собственные нормативные правовые акты (особенно это касается тех, которыми утверждаются имеющие общегосударственное значение стратегии, концепции, доктрины). Кадровые решения, принимаемые главой государства, также оказывают существенное влияние на будущее правозащитной политики. Важнейшую роль в определении ориентиров дальнейшего развития рассматриваемой сферы могла бы быть утвержденная указом Президента РФ концепция правозащитной политики в Российской Федерации.

Доцент Самарского филиала Московского городского педагогического университета, канд. юрид. наук В.А. Пономаренков и адъюнкт Академии управления МВД России И.А. Пономаренкова отметили, что *правозащитная деятельность характеризуется рядом взаимосвязанных факторов*. Во-первых, Российская Федерация приняла на себя обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, ограждать их от любого незаконного вмешательства или ограничения. Тем самым обеспечение охраны и защиты прав и свобод человека является важной функцией государства.

Во-вторых, международные политико-правовые институты все больше внимания уделяют правам человека. Для Российской Федерации соблюдение международных стандартов по правам человека является одним из приоритетов внутренней политики государства.

В-третьих, механизмы защиты прав и свобод граждан возникают в процессе взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества и выступают государственным гарантом от неправомерного вмешательства.

Конституционная обязанность государства соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина состоит в создании условий для их реализации и механизма для их защиты. Обеспечение таких условий и защита прав и свобод человека и гражданина входят в функции всех органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Правозащитная деятельность имеет некоторые общие признаки с правоохранительной деятельностью. В совре-

менных условиях судебно-правовой реформы правозащитная деятельность правоохранительных и судебных органов занимает особое место в едином конституционном механизме реализации прав личности.

Правозащитными полномочиями обладают также Уполномоченный по правам человека, Уполномоченный по правам ребенка и многие другие государственные органы.

Кроме государственных органов правозащитную деятельность осуществляют и специально уполномоченные негосударственные органы и лица, например юридические консультации и адвокаты.

Правозащитная деятельность заключается в предоставлении каждому гражданину правовой помощи, а также юридическим лицам, иностранцам и лицам без гражданства в спорных вопросах по охране и защите их прав и свобод, пресечения злоупотребления правом, защите физических лиц от обвинения и в государственном обеспечении охраны прав граждан правоохранительными и другими государственными органами.

Правоохранительная деятельность и правозащитная являются взаимосвязанными и взаимопроникающими институтами современной правовой жизни, отвечающими потребностям формирования в России правового, социального государства.

Доцент кафедры уголовного права Астраханского государственного университета, канд. социол. наук, докторант О.Н. Коржиков обратил внимание на тот факт, что *современная наука ещё не дала определения правозащитной системы, а теория правозащитной политики находится на начальном этапе исследования*⁷. Актуальность изучения вопросов эффективности правозащитной политики обусловлена рядом обстоятельств. Хотя нормативные предписания по защите права касаются практически всех отраслей российского права, в России с советского периода по-прежнему слабо развиты негосударственные формы защиты права, а государственная правозащитная система зачастую неэффективна. По мнению выступающего, пассивность органов государственной власти в формировании правозащитной политики нередко с бутафорским привлечением институтов гражданского общества в реализации своих прав на защиту – одна из основных причин. Другая причина заключается в недоверии населения к органам внутренних дел, суду и прокуратуре. Третьей причиной выступают половинчатые меры, принятые в контексте судебно-правовой реформы, начавшейся в 1991 г. Попытки изменить ситуацию с помощью административного ресурса не дали положительных результатов. Инициативы, направленные на модернизацию системы, недостаточно продуманны и не имеют долгосрочной перспективы. В этой ситуации возникает потребность в разработке концепции правозащитной политики, с помощью которой можно было бы консолидировать деятельность правоохранительных и других структур в осуществлении защиты законных прав и интересов граждан.

Доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, канд. юрид. наук, докторант В.В. Нырков в своем выступлении на тему *«К вопросу о соотношении понятий “защита права”, “правозащитная система” и “правозащитная поли-*

⁷ В качестве одной из немногих монографических работ (если не единственной) по данной теме является труд: Редько А.А. Правозащитная политика и ее место в правовой политике России: теоретико-правовой анализ. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 2011.

тика”» обратил внимание на тот факт, что вопросы теории правозащитной системы и правозащитной политики все еще находятся во втором плане, в тени научных работ, посвященных изучению правоохранительной системы, что является традиционным для отечественного правоведения, начиная с советского периода его развития. При этом он подчеркнул несовпадение правоохранительной и правозащитной систем в обществе.

В своем выступлении он назвал ряд обстоятельств, актуализирующих проблему исследования правозащитной политики: нормативные предписания, касающиеся защиты права, пронизывают практически все отрасли российского права; в России по-прежнему слабо развиты негосударственные формы защиты права, а государственная правозащитная подсистема зачастую неэффективна; нуждается в расширении взаимодействия российской правозащитной системы с механизмами защиты права Европейского Союза; в науке не уделяется должного внимания формированию теории правозащитной системы, а вопросы правозащитной политики находятся на начальном этапе исследования; преувеличивается значение органов государственной власти в процессе формирования и реализации правозащитной политики и одновременно остается недооцененной роль институтов гражданского общества в данной сфере.

В.В. Нырков также отметил дискуссионный характер разрабатываемых в настоящий момент в отечественной юриспруденции понятий “защита права”, “правозащитная система” и “правозащитная политика”. По его мнению, в науке необходим более широкий подход к трактовке правозащитной системы общества, ибо проблема защиты прав человека может быть решена лишь посредством комплексной защиты всей системы права как объективной предпосылки существования и реализации отдельных субъективных прав личности. Упоминание в научной теории лишь одного объекта защиты в виде прав человека в ходе конструирования модели правозащитной политики и правозащитной системы произвольно и излишне упрощает существо рассматриваемой проблемы. Категория “правозащитная система” призвана выполнить функцию наиболее общей, предельной абстракции, которая включает в себя в системном отношении понятия “защита права” и “правозащитная политика”. Под правозащитной политикой он предложил понимать единую целостную совокупность концептуальных идей и стратегических программ по развитию и совершенствованию правозащитной системы, а также деятельность по их практическому воплощению в целях повышения уровня “правовой защищенности” отдельной личности и эффективности защиты права в целом.

Доцент кафедры теории государства и права Сибирского федерального университета (г. Красноярск), канд. юрид. наук В.Ю. Панченко заметил, что *проблематика правозащитной политики предполагает включение в предмет научного изучения правовую политику в сфере юридического содействия реализации прав личности* – научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных и негосударственных структур в целях формирования и совершенствования оптимальных условий для различных форм и видов содействия юридическими средствами наиболее полной и беспрепятственной реализации и защиты прав, свобод и законных интересов (государственные и муниципальные услуги правового характера, юридическое информирование, медиация, юридическая помощь и т.д.). Наиболее яркий “правозащитный” характер, связанный с реальным или предполагаемым нарушением прав или законных интересов, имеет правовая политика в

сфере юридической помощи – организованного и профессионального содействия, участия в защите прав и законных интересов квалифицированных юристов, научная разработка которой обусловлена потребностями правовой жизни.

В качестве наиболее значимых задач этого аспекта правозащитной политики автор назвал, во-первых, оценку действующих и вновь принимаемых нормативно-правовых актов, затрагивающих права и свободы граждан с позиций воплощения гарантий юридической помощи; во-вторых, законодательное установление квалификационных требований к лицам, оказывающим юридическую помощь (при сохранении свободной конкуренции профессионалов), и, в-третьих, введение координирующих мер со стороны профессионального юридического сообщества (Ассоциации юристов России и ее региональных подразделений), которые позволили бы обеспечить информационную открытость деятельности субъектов оказания юридической помощи, общественный и профессиональный контроль за качеством их работы.

Старший научный сотрудник Саратовского филиала ИГП РАН, канд. юрид. наук С.А. Семикина отметила, что *в настоящее время в юридической науке имеются некоторые теоретические разработки по вопросам правозащитной политики, но окончательно данная категория не изучена*. У правозащитной политики есть определенная система приоритетов, которая представлена такими базовыми ориентирами, как защита прав и свобод человека и др.

Большое значение в процессе реализации правозащитной политики приобретают судебные органы, в данном случае – арбитражный суд в виде своих органов – Пленума ВАС РФ и Президиума ВАС РФ. Арбитражный суд, осуществляющий свою деятельность в соответствии с Конституцией РФ и законодательством, является гарантией того, что права и законные интересы личности будут защищаться, как и законные интересы общества и государства.

Акты Президиума ВАС РФ и Пленума ВАС РФ играют немаловажную роль в формировании правозащитной политики. Они направлены на восстановление нарушенных прав и свобод субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Это выражается в том, что в настоящее время постановления Президиума ВАС РФ и Пленума ВАС РФ являются судебным прецедентом, который закреплен на законодательном уровне.

Исследование всего комплекса вопросов, связанных с выработкой и реализацией правозащитной политики, будет способствовать более эффективному решению стоящих перед современным государством задач в сфере обеспечения и защиты основополагающих ценностей и интересов личности, общества и государства.

Таким образом, по мнению докладчика, правозащитная политика в арбитражном судопроизводстве – это деятельность арбитражного суда, направленная на формирование эффективного, справедливого и открытого правосудия, а также на защиту и восстановление нарушенных прав и свобод субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Доцент Саратовской государственной юридической академии, старший научный сотрудник Саратовского филиала ИГП РАН, канд. юрид. наук О.А. Солдаткина, рассматривая вопросы *информационного взаимодействия и информационные подходы в правозащитной политике*, подчеркнула, что в последние годы в российском обществе существует тенденция к увеличению интереса к таким

понятиям, как “правозащитная система”, “правозащитная деятельность”, “механизм правовой защиты” и т. д. Однако несмотря на очевидную актуальность данное направление в юридической науке разработано слабо, а защита интересов личности в настоящее время сопряжена со значительными трудностями.

В то же время в праве идет процесс перехода от стихийности к плановости и научной обоснованности, активно развивается теория правовой политики – “правозащитная политика” – актуальная, но слабо исследованная форма реализации правовой политики. Во-первых, анализ правозащитной политики сейчас необходимо начинать с подбора методики исследования. И здесь интересные результаты может дать информационный подход. Связано это с тем, что правозащитная деятельность исторически началась с работы правозащитных организаций, и в основе ее лежит определенный информационный обмен. Следовательно, взгляд на исследуемое явление через призму информационного подхода может дать новые результаты. Во-вторых, в силу своей специфики правозащитная политика связана с правовым взаимодействием, как внутригосударственным, так и международным. Особенно актуальным является процесс накопления и оптимизации информационных ресурсов. Между тем даже беглый обзор показывает их крайнюю разбросанность и разнородность – даже по государственным правозащитным организациям. Таким образом, оптимизация информационных ресурсов и информационного взаимодействия становится важной задачей в рамках научных исследований, посвященных правозащитной политике.

Доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Ульяновского государственного университета, канд. юрид. наук С.В. Смирнов заметил, что *современное российское законодательство закрепляет в целом достаточный объем прав человека и гражданина в сфере экологии, а также средств их защиты*. Тем не менее говорить о полной реализации экологической функции Российского государства, совершенстве экологического законодательства в целом и, соответственно, о защищенности и гарантированности экологических прав и свобод, а тем более о системной правозащитной политике в сфере экологии не представляется возможным. Следует отметить, что все более усложняющееся в условиях глобализации негативное воздействие различных факторов на окружающую среду требует помимо постоянного совершенствования законодательства в сфере ее охраны формирования единой в масштабах Российской Федерации, непротиворечивой, системной экологической правозащитной политики. С.В. Смирнов выделил следующие направления ее развития:

1) совершенствование системы экологического нормирования одновременно с эффективным экономическим стимулированием субъектов хозяйствования в целях снижения отрицательного воздействия на окружающую среду;

2) восстановление института муниципального экологического контроля;

3) увеличение “экологического компонента”, т.е. учет соответствующих требований при совершенствовании норм других отраслей права – уголовного, административного, гражданского и т.д.);

4) недопущение коррупционности при разработке новых и совершенствовании существующих нормативно-правовых актов в сфере защиты окружающей среды, а также их применении;

5) формирование системной, взаимосвязанной государственной правозащитной политики в указанной сфере;

6) постоянный мониторинг эффективности примененных мер государственного принуждения, в том числе мер юридической ответственности за совершение экологических правонарушений;

7) завершение процессов разграничения предметов ведения и полномочий в природоохранной сфере между государственными органами различных ветвей власти;

8) создание правовых и организационных условий для повышения информированности граждан об их экологических правах и обязанностях, способах и процедурах их реализации и защиты.

Представитель Самарского государственного экономического университета А.В. Босов отметил, что *одним из основных конституционных прав и свобод является право граждан на свободу совести и вероисповедания*. Правовая защита свободы совести и вероисповедания становится чрезвычайно актуальной с учетом того, что Россия занимает второе место по количеству нарушений данного права, зафиксированных Европейским Судом по правам человека, начиная с 2004 г. Среди механизмов, обеспечивающих свободу совести, особое место занимает исторически сложившийся принцип светского образования.

В настоящее время согласно п/п. 1 п. 2 ст. 4, п. 2 ст. 5 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” от 26 сентября 1997 г. религиозное воспитание и образование детей осуществляются родителями без вмешательства государства.

Исходя из исторического опыта и согласно действующему российскому законодательству образовательные организации не должны вмешиваться в сферу личных религиозных убеждений учащихся, воздерживаться от оценочных высказываний относительно какого-либо вероисповедания, не дискриминировать учащихся и преподавателей по религиозному признаку.

Аспирант Северо-Кавказского федерального университета В.С. Виноградова в выступлении на тему *“Принципы деятельности полиции как отражение правозащитной политики Российского государства”* отметила, что деятельность любого государственного органа, в том числе правозащитного, основана на соответствующих исходных, базовых положениях – принципах. Федеральный закон “О полиции” воспроизвел в качестве принципов такие основные начала, как соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина, законность, взаимодействие. Гласность трансформировалась в принцип открытости и публичности: появились также новые принципы – общественного доверия и поддержки, беспристрастности и использования достижений науки и техники, современных и информационных технологий. Таким образом, в новом Законе по сравнению с ранее действовавшим закреплена целый комплекс императивных предписаний, которые выделены в самостоятельную гл. 2. Данные принципы, первым из которых назван принцип соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина, в полной мере отражают новый подход к определению правового статуса полиции не только как правоохранительного, но и прежде всего правозащитного органа, что в полной мере согласуется с актуализацией правозащитного направления правовой политики в современной России. Федеральный закон “О полиции” закрепил новую, партнерскую модель взаимоотношений полиции и общества, которая предполагает не доминанту власти над ним, а служение ему и ориентир

на сотрудничество с институтами гражданского общества и гражданами.

Аспирант Саратовской государственной юридической академии Р.С. Маркунин в докладе *“Юридическая ответственность депутатов как средство правозащитной политики”* остановился на проблеме реализации юридической ответственности в отношении депутатов представительных органов власти, указав на то, что в решении этого вопроса правозащитной политике отводится основная роль, поскольку именно она может быть ориентирована на совершенствование механизма правового регулирования в сфере установления юридической ответственности. На основании приведенного зарубежного опыта в решении данных вопросов выступающий сделал вывод о необходимости формирования новой правозащитной политики, основным направлением которой станет преодоление наметившихся тенденций отчуждения населения от участия в принятии властных решений и усиления общественного контроля в сфере ответственности представительной власти. В связи с этим важным приоритетом правозащитной политики является создание эффективных средств и механизмов юридической ответственности представительных органов и депутатов, которые в совокупности создавали бы условия для беспрепятственной реализации гражданами своих прав и свобод и их эффективной защиты в случае нарушения.

Аспирант кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, младший научный сотрудник Саратовского филиала ИГП РАН А.С. Родионова в докладе *“Роль системы наказаний в правозащитной политике Российской Федерации”* отметила, что среди наиболее значимых направлений правозащитной политики необходимо особо выделить настоятельную потребность в изменении законодательства в сфере борьбы с правонарушениями и устранении пробелов, связанных с регламентацией отдельных видов наказаний, в усовершенствовании системы наказаний в русле проводимого реформирования отечественного законодательства.

Становление общетеоретической концепции правозащитной политики является важной теоретико-методологической предпосылкой для активизации соответствующих отраслевых научных разработок (в сфере конституционного, административного, гражданского, уголовного права и т.д.). В связи с этим следует выделить концептуальную мысль о необходимости построения единой системы не просто отдельно уголовных или административных наказаний, а единой системы всех правовых наказаний, как отраслевых, так и межотраслевых.

Таким образом, реализация целей и задач системы наказаний, её дальнейшее развитие и оптимизация должны быть одним из приоритетных направлений деятельности субъектов правозащитной политики Российской Федерации.

Н.И. Сухова в своем выступлении на тему *“Охрана и защита права: к вопросу о соотношении понятий”* подчеркнула важность разрешения вопроса об определении содержания категорий “охрана” и “защита” права для дальнейшего плодотворного исследования целого ряда правовых явлений: правозащитной деятельности, правозащитной системы и правозащитной политики в России. Обратила внимание на то, что ни в отечественном законодательстве, которое активно использует эти понятия, не отождествляя их и не давая легальной дефиниции, ни в современной юридической науке до сих пор не выработано единого подхода к пониманию охраны и защиты права, их содержанию и соотношению.

Н.И. Сухова отстаивает позицию, согласно которой защита права может осуществляться не только тогда, когда имеет место его нарушение, но и в отсутствие этого юридического факта.

Охрана права – комплексная категория, объединяющая в себе несколько средств: а) средства-гарантии; б) средства реагирования, представленные мерами защиты и мерами ответственности. Характер охраняемых общественных отношений и возможность или действительность их нарушения обуславливают применение различных мер и средств, а потому охрана права приобретает разные формы: форму гарантирования, форму защиты и форму ответственности. Охрана в различных формах имеет неодинаковую функциональную характеристику. Так, охрана в форме защиты прежде всего преследует цель восстановления права, а охрана в форме ответственности выполняет в первую очередь карательную функцию.

Старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова Л.М. Буслаева в своем докладе отметила, что *основу правового регулирования инвестиционных отношений составляют государственные гарантии прав инвесторов*, которые призваны обеспечить надлежащую защиту инвестиций в случае нарушения интересов собственников в ходе осуществления инвестиционной деятельности. Сущность правовой политики государства в сфере иностранных инвестиций состоит в создании правовых условий и гарантий инвесторам-собственникам, а также в определении соответствующих правовых форм инвестирования. Крайне важно то, что права инвестора закрепляются в национальном законодательстве, где регулируются условия функционирования собственности. При этом права инвестора должны быть не просто продекларированы, но и фактически реализованы.

Издание специальных норм, регулирующих иностранные инвестиции, необходимо для того, чтобы иностранный инвестор мог заранее рассчитать возможные убытки, возникающие в результате принятия тех или иных мер органами государства, принимающего иностранные инвестиции.

Замечено, что большинство гарантий, предусмотренных в национальном инвестиционном законодательстве России, носят декларативный характер, поскольку не разработаны механизмы их реализации. Однако исключительная важность правовой политики государства в сфере государственных гарантий, устанавливая их для инвесторов, состоит в том, что государство, в лице своих органов, создает им условия для беспрепятственной реализации прав и законных интересов, что является основой правового обеспечения инвестиционной деятельности.

Соискатель кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии И.Ю. Засимов в своем выступлении осветил *вопросы преобразования правоохранительной системы как составной части правовой сферы*. Отметил, что быстро развивающиеся общественные отношения требуют создания эффективной системы правоохраны, которая могла бы быть средством предупреждения и адекватного реагирования на негативные проявления в социальных связях. На официальном уровне поставлена задача модернизации составляющих правоохранительной системы и определения ее возможных путей осуществления.

По мнению выступающего, под модернизацией правоохранительной системы понимается целенаправленный процесс комплексного (нормативного, технологического, кадрового,

идеологического и т.д.) преобразования (усовершенствования) всех элементов российской правоохранительной системы для достижения последней уровня развития наиболее совершенных (прогрессивных) правоохранительных систем современных государств.

Студентка 4 курса юридического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова А.В. Артемова в выступлении на тему *“Правозащитный фактор в личных неимущественных правоотношениях супругов по действующему семейному законодательству”* обратила внимание на то, что неимущественные отношения между супругами возникают по поводу нематериальных благ, их отношения иначе также называют личными. По действующему семейному законодательству к личным правам супругов относятся: 1) право супругов на свободный выбор рода занятий, профессии, мест пребывания и жительства (п. 1 ст. 31 СК РФ); 2) право на совместное решение супругами вопросов материнства, отцовства, воспитания и образования детей, иных вопросов жизни семьи (п. 2 ст. 31 СК РФ); 3) право выбора фамилии при заключении и расторжении брака (ст. 32 СК РФ); 4) право каждого супруга давать согласие на усыновление ребенка другим супругом (п. 1 ст. 133 СК РФ); 5) право на расторжение брака (п. 2 ст. 16 СК РФ). Государство осуществляет защиту неприкосновенности частной жизни членов общества. Вместе с тем, поскольку важная часть личных отношений между супругами регулируется лишь принципами морали, то фактически и юридически невозможно привлечь к ответственности недобросовестного супруга, не исполняющего должным образом своих неимущественных прав либо чинящего препятствия в их осуществлении другому супругу (например, мужа, запрещающего работать своей жене в определенной сфере, понуждающего сменить место жительства). Так, было бы целесообразно включать некоторые условия неимущественного характера в брачный договор, например о компенсациях за супружескую измену (по аналогии с некоторым зарубежным законодательством), об обязанности супруга сохранять семейную тайну даже после расторжения брака. Докладчик уделила также внимание вопросу выбора фамилии супругами при заключении и расторжении брака (ст. 32 СК РФ), считая необоснованным ограничение законодателя, закрепленное в ст. 32 СК РФ, на соединение фамилий, если добрачная фамилия хотя бы одного из супругов уже является двойной, что уже далеко не редко в настоящее время. Поэтому следует законодательно закрепить возможность для бывших супругов возвращаться к своей фамилии, полученной от рождения, а не только к добрачной.

Студентка 4 курса Института правоохранительной деятельности Саратовской государственной юридической академии З.К. Абдулнасырова, выступая на тему *“Некоторые аспекты правовой защиты слабой стороны в договорах страхования”*, отметила, что одной из основных тенденций развития современной правозащитной политики в условиях рынка страхования стало укрупнение страховщиков: возникли крупные страховые организации, в качестве страхователей, напротив, все чаще выступают физические лица, которые стремятся защитить свои интересы.

Основаниями для использования мер по защите являются фактическое ограничение свободы договора для страхователей и получение неосновательного преимущества⁸. Примерами таких нарушений выступают случаи несвоевременной

страховой выплаты, неосновательного увеличения условий для наступления страхового случая, сужения субъектов страхования предпринимательского риска и т.д.

Учитывая судебную практику, целесообразно было бы внести следующие изменения:

осуществлять судопроизводство по страховым спорам на основании принципа добросовестности, которое должно быть закреплено в положениях ГПК РФ и АПК РФ;

в ст. 943 ГК РФ включить следующее: “условия, на которых заключается договор страхования, могут быть определены в стандартных правилах страхования соответствующего вида, принятых, одобренных или утвержденных Правительством РФ”;

в ст. 944 ГК РФ дополнить следующим: “самовольное заполнение в договоре тех обстоятельств, которые не были сообщены страхователем, влечёт признание данного договора незаключенным”.

Студентка 4 курса Института правоохранительной деятельности Саратовской государственной юридической академии Л.Н. Головченко осветила *вопрос о правозащитной функции государства в борьбе с сектой “Свидетели Иеговы” (г. Москва) в свете постановления ЕСПЧ*. Как общепризнанными нормами международного права, так и действующим российским законодательством установлено, что свобода совести и вероисповедания не является абсолютной. Поскольку вероисповедание в подавляющем большинстве случаев связано с деятельностью религиозных организаций, Конституция РФ запрещает создание объединений, цели которых направлены на разжигание религиозной розни, пропаганду и агитацию ненависти и вражды, превосходства одной веры над другой.

Часть 3 ст. 14 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” уполномочивает в том числе органы прокуратуры Российской Федерации вносить в суд представление о ликвидации религиозной организации либо о запрете деятельности религиозной организации или религиозной группы.

Такие дела подсудны суду субъекта РФ (п. 3 ч. 1 ст. 26 ГПК РФ) либо ВС РФ (п. 4 ч. 1 ст. 27 ГПК РФ). В свою очередь, в соответствии с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований.

В качестве яркого примера хотелось бы привести так называемое “головинское дело”, или дело о деятельности общины “Свидетели Иеговы” в Москве. В начале 1998 г. в связи с многочисленными обращениями граждан о противоправной деятельности этой религиозной организации прокуратурой Северного округа было направлено в Головинский межмуниципальный суд представление о ликвидации религиозной организации “Свидетели Иеговы” г. Москвы и о запрете ее деятельности.

26 марта Головинский суд Москвы принял решение о закрытии общины “Свидетелей Иеговы”. Суд удовлетворил ходатайство прокуратуры Северного округа Москвы, обвинявшей членов общины в ведении экстремистской деятельности. Но Европейский Суд по правам человека в Страсбурге в июне 2010 г. признал незаконным решение российского суда о роспуске религиозной общины “Свидетели Иеговы” в Москве и обязал Россию выплатить потерпевшим 70 тыс. евро.

⁸ Неосновательные преимущества состоят в извлечении из ситуации больших прав, получение которых при фактическом равенстве сторон было бы затруднительным или даже невозможным.

В связи с этим возникает конкуренция норм права, а именно: норм международного и национального законодательства, а также вопрос: Российской Федерации следует исполнять положения Конвенции либо бороться с экстремизмом данной организации? В связи с отсутствием прецедента в Российской Федерации суды неоднозначны в своих решениях относительно религиозной организации “Свидетели Иеговы”.

Студентка 4 курса Института правоохранительной деятельности Саратовской государственной юридической академии Е.В. Иванова в своем выступлении на тему “Принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве” отметила, что установление истины по делу и, как следствие, вынесение законного, обоснованного и справедливого решения являются одной из основных задач деятельности правоохранительных органов и суда. Принцип объективной истины заложен в самом понятии правосудия как суда правового, стремящегося к правде, т.е. соответствии суждения действительности⁹. Состязательность в уголовном процессе должна не исключать, а предполагать активность суда в собирании доказательств и его обязанность принимать все меры к установлению истины по делу. Только в такой трактовке этот принцип будет находиться в гармонии с другими принципами и с конечными целями уголовного процесса.

В ч. 3 ст. 86 УПК РФ законодатель попытался предоставить защитнику право “сбирать доказательства”. Проблема заключается в характере получаемой защитником доказательственной информации и возможности ее закрепления.

Приобщение к уголовному делу информации, собранной защитником, находится на усмотрении следователя. В уголовном деле должны быть как доказательства, полученные следователем, так и то, что представлено обвиняемым и его защитником в качестве доказательств. Действенным право обвиняемого (его защитника) представлять доказательства может быть тогда, когда оно дополняется обязанностью приобщения их к делу, даже если они не признаются следователем и не включаются в систему доказательств по делу¹⁰.

Еще один спорный момент. УПК РФ в ст. 159 вменяет в обязанность следователю удовлетворить ходатайство обвиняемого и его защитника о проведении следственных действий, если обстоятельства, о которых данные лица ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела. Процессуальной самостоятельностью следователя не противоречит следующее решение рассматриваемой проблемы: прежде чем выносить суждение по вопросу о значимости для установления обстоятельств дела, например, показаний свидетеля, заявленного обвиняемым или его защитником, его необходимо сначала допросить.

Складывающаяся практика показывает, что отказы следователя в удовлетворении ходатайств о проведении тех или иных следственных действий почти всегда выдерживают проверку в надзирающей и контролирующей инстанциях. Решение данной проблемы представляется возможным посредством образования дополнительной структуры судебной власти – “следственных судей”, что предусматривается Концепцией судебной реформы.

Таким образом, можно констатировать, что в современном уголовном процессе образовался большой дисбаланс в

реализации принципа состязательности и равноправия сторон на его судебных и досудебных стадиях.

Студентка 4 курса Института правоохранительной деятельности Саратовской государственной юридической академии Т.А. Фадеева в своем докладе обратила внимание, что *признание прав человека, его основных свобод является высшей ценностью любого демократического государства, в том числе Российской Федерации*. Россия взяла на себя обязанность признавать и защищать права и законные интересы граждан. Однако реализация данных обязательств вызывает немало споров, например проблема, связанная с принудительной госпитализацией граждан в психиатрический стационар.

Во-первых, в законодательстве отсутствует специальное юридическое определение психического расстройства. Статья 10 Закона РФ “О психиатрической помощи и гарантиях прав при ее оказании” позволяет сделать вывод о том, что ответственность за признание лица недееспособным лежит на комиссии врачей. Из этого вытекает неопределенность, когда врач и юрист должны прийти к единому мнению о наличии или отсутствии болезни у пациента, что на практике достаточно затруднительно.

Во-вторых, права и законные интересы лиц, страдающих психическими расстройствами, реализуются их законными представителями в порядке ст. 52 ГПК РФ. Однако в российской судебной практике существуют примеры, связанные со злоупотреблениями со стороны законных представителей своими полномочиями, что приводит к отсутствию должной защищенности у лиц, страдающих психическими расстройствами¹¹. Так, зачастую нарушаются права и законные интересы несовершеннолетних их же родителями.

В-третьих, при возбуждении судами дел не всегда решается вопрос о продлении пребывания гражданина в психиатрическом стационаре на срок, необходимый для рассмотрения заявления о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар¹². Данные нарушения нашли свое место в практике Ульяновского, Ростовского областных судов.

Из вышеизложенного следует то, что лицо, страдающее психическими расстройствами, не всегда должным образом может реализовать свои права. Это дает основание говорить о целесообразности объективного отношения к лицу, страдающему психическими расстройствами, как медицинских работников, так и правоприменителя и законодателя. Это, в свою очередь, позволит обеспечить права и законные интересы граждан, что соответствует целям правозащитной политики государства.

Обзор подготовили: А.В. Малько, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, главный редактор журнала “Правовая политика и правовая жизнь”;

С.Т. Артёмова, декан юридического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, канд. юрид. наук, доц.;

О.А. Сычева, зав. кафедрой образовательного права того же университета, канд. юрид. наук, доц.

⁹ См.: *Ларин А.М.* О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы. Материалы конференции. М., 1997. С. 77.

¹⁰ См.: *Бородин Т.Г., Демидов И.Ф.* Обвинение и защита: проблема равных возможностей // Журнал рос. права. 2005. № 2. С. 43.

¹¹ См.: “Ракевич против России” // Официальный сайт Европейского Суда по правам человека. <http://www.espch.ru/> Дата обращения: 30 сентября 2012 г.

¹² См.: *Дьяконова С.Д.* Актуальные вопросы участия некоторых категорий лиц в особом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 2. С. 16.